
Е. И. Белянкова

Статья поступила
в редакцию в
ноябре 2009 г.

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Аннотация

Роль инициативной общественности в профилактике преступности несовершеннолетних очень значительна, о чем свидетельствуют, в частности, архивные материалы конца XIX — начала XX в. В статье обозначены основные направления деятельности частных лиц в работе с малолетними правонарушителями, проведен анализ работы съездов представителей воспитательно-исправительных заведений, рассмотрен опыт московского Рукавишниковского приюта.

Ключевые слова: *преступность несовершеннолетних, воспитательно-исправительные заведения, Рукавишниковский приют.*

Уровень преступности среди несовершеннолетних является одним из показателей благополучия общества. В кризисные периоды (время реформ, революционные события, войны) он существенно повышается. Российское общество не раз сталкивалось с этой проблемой. Во второй половине XIX — начале XX в. был накоплен богатый опыт борьбы с детской преступностью, который несомненно представляет интерес для современной России. Именно в тот период появились первые специализированные воспитательно-исправительные учреждения для несовершеннолетних правонарушителей, а также для детей, относящихся к группе риска. Эффективность работы таких заведений во многом зависела от деятельности общественных организаций и инициативных частных лиц.

Воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних правонарушителей в Российской империи прошли большой путь развития. Первоначально главным их предназначением являлось исправление малолетних преступников и ограждение их от тлетворного влияния тюрем. В таких учреждениях несовершеннолетние должны были содержаться отдельно от взрослых. Правовые основы для создания исправительных приютов для малолетних преступников заложил закон, принятый 5 декабря 1866 г. [9]. Однако в нем не были прописаны цели создаваемых учреждений. Лишь закон 1909 г. определил назначение воспитательно-исправительных заведений как учреждений для нравственного исправления несовершеннолетних и подготовки их к честной трудовой жизни.

Законодательно был установлен порядок создания воспитательно-исправительных заведений: сначала заинтересованными органами или лицами учреждалось общество, которое собирало материальные средства, подбирало соответствующее помещение, объявляло конкурс на проект устава будущего учреждения, а через несколько лет возникало само исправительное заведение. При одном и том же обществе не могло функционировать более одного исправительного учреждения.

Примером учреждений, созданных по инициативе государства, является Санкт-Петербургское общество, во главе которого стоял генерал Николай Васильевич Зиновьев, известный своими значительными пожертвованиями на Санкт-Петербургскую колонию, а непосредственное управление делами его было вверено сенатору Михаилу Евграфовичу Ковалевскому [4]. Саратовский приют обязан был своим основанием и дальнейшим существованием деятельности саратовского губернатора Михаила Николаевича Галкина-Враского [3].

В отчете Главного тюремного управления за 1883 г. отмечалось, что «большинство воспитательно-исправительных и карательных учреждений для несовершеннолетних в Империи обязаны своим возникновением и процветанием широкой благотворительности частных лиц» [12. С. 116]. В частности, Екатеринославский приют является ярким примером сотрудничества государства, частных лиц и земств в работе с малолетними правонарушителями. В Екатеринославе органы губернского управления и общественность вместе инициировали создание Общества исправительных земледельческих колоний и ремесленных приютов, целью которого была помощь беспризорным детям и несовершеннолетним преступникам. Екатеринославское губернское земство вступило в общество в качестве члена на основании своего постановления от 7 декабря 1889 г. Средства общества составлялись из членских взносов, пожертвований, денег, поступающих от Главного тюремного управления на основании п. 3 ст. 154 Устава о содержании под стражей, процентных отчислений от штрафных денег, платы за содержание воспитанников, поступающей от родителей,

Организация в России исправитель- ных учреж- дений для несовершен- нолетних

обществ и учреждений, помещающих детей в приют без судебного приговора, из денег, выручаемых от продажи того, что производилось в хозяйстве и в мастерских приютов, а также от продажи или отдачи в аренду и наем имущества общества. Пожертвования принимались деньгами и «всякого рода предметами» [16. С. 3–4].

Существовала также практика устройства исправительных учреждений какой-либо общественной организацией или частным лицом, которые в таком случае и заведовали этим учреждением. Так, например, московский Рукавишниковский приют, созданный Николаем Васильевичем Рукавишниковым, принадлежал городу Москве, и деятельность его полностью контролировалась органами городского самоуправления [1].

Из числа существовавших в 1903 г. исправительных заведений два содержались земствами (Тверская колония и Тамбовский приют), два — городом (Рукавишниковский приют и Фидлеровская колония), шесть — тюремными комитетами (Астраханская колония, Симбирский, Саратовский-Галкинский, два кубанских приюта, Санкт-Петербургский приют для девочек), а абсолютное большинство — 90 % — находилось на содержании частных благотворительных обществ [7. С. 101].

Финансирование исправительных колоний и приютов возлагалось прежде всего на учредителя. После появления приюта для малолетних преступников в Нижнем Новгороде глава попечительного комитета Н. Г. Безе организовал широкую кампанию по сбору средств для приюта, обращаясь к отдельным благотворителям и впоследствии к земствам с просьбой об образовании особого фонда. Руководство комитета получало также средства от Попечительного о тюрьмах общества, распространяло подписные листы, осуществляло кружечные сборы. Кружки были установлены в уездных церквях, там сборы были небольшими — 1–2 руб. Для активизации сбора кружки выдавали частным сборщикам и ставили в аптеках. Так, сборщица В. Мосалова собрала в мае 1891 г. в разных церквях 19 руб. Некоторые из церквей производили сборы среди священников: в Горбатовском Троицком соборе листы подписали протоиерей и церковные старосты. Сбор составил 90 руб. По указанию вице-президента Попечительного о тюрьмах общества норма с 6 коп. в день на еду была увеличена до 7 коп. Выделяли деньги и уездные земские управы. Балахнинская, например, по смете земских расходов на 1890 г. выделила 240 руб. на содержание преподавателей исправительного приюта. Уездные земские управы перечисляли по 80 руб. в год на каждого мальчика. Почетный член земледельческой колонии в Нижнем Новгороде, известный нижегородский купец-благотворитель И. М. Рукавишников пожертвовал колонии 1500 руб. на постройку дома и 500 руб. на икону с киотом в память спасения императорской семьи 17 октября 1888 г. [5].

Однако существовали и менее удачные примеры. Из-за недостатка средств и отсутствия помощи со стороны государства

закрылись Сумское, Кременчугское, Рыбинское и другие общества [11]. Очевидно, что устройство воспитательно-исправительных учреждений не может быть отдано на откуп благотворительности. Профессор Михаил Васильевич Духовской писал в начале XX в.: «Стоит только припомнить, какой моральный и материальный вред приносит уголовное преступление в стране, припомнить, какие затраты и потери несет государство на охрану от преступлений и на, увы, пока еще бесплодную борьбу с преступниками взрослыми, чтобы понять, какое громадное значение должна иметь возможность предупредить впадение в преступление» [6. С. 130]. Лишь при общем усилии правительства, земств, городов, сословных обществ, при широком развитии частной инициативы, считал М. В. Духовской, может возникнуть целостная система специальной профилактики правонарушений несовершеннолетних.

Участие общественности в устройстве исправительных приютов не ограничивалось финансовой и организационной помощью. Частные лица и благотворительные общества координировали деятельность воспитательно-исправительных учреждений, оказывали влияние на государственные органы с целью совершенствования правового регулирования системы специальной профилактики, оказывали теоретическую и методическую помощь в работе исправительных учреждений.

Воспитательно-исправительные учреждения для несовершеннолетних решали следующие основные задачи:

- коррекционно-реабилитационная работа с детьми, составляющими группу риска (бездомные, нищие, сироты, в том числе социальные);
- коррекционно-профилактическая работа с малолетними правонарушителями в специальных учреждениях для них;
- постановка дела постпенитенциарного воспитания и патронажа.

Большую роль в организации работы с несовершеннолетними правонарушителями сыграли съезды представителей воспитательно-исправительных заведений. Первый такой съезд состоялся в октябре 1881 г. в Москве [2]. По поводу необходимости и целесообразности проведения съезда Н. В. Рукавишников в записке от 19 апреля 1881 г. на имя начальника Главного тюремного управления писал: «Состоя во главе старейшего русского исправительного заведения — московского городского Рукавишниковского приюта и будучи близко знаком с деятельностью его, я не мог не обратить внимания на крайнюю трудность достижения святой цели, лежащей в основе каждого подобного учреждения. Религиозно-нравственное перерождение всех помещенных в приют малолетних трудно достижимо само по себе, но задача эта еще значительно затрудняется как малою разработкою этого предмета в литературе, так и в особенности малым знакомством и общением исправительных заведений между собой; несомненно, что общими

Съезды представителей воспитательно-исправительных учреждений

силами многие специальные вопросы могли бы быть легко разрешимы, и исправительные приюты избавились бы от многих ими деланных ошибок...» [2].

Высочайшее соизволение на проведение съезда последовало 16 августа 1881 г. Съезд проходил 20–27 октября. В его работе принимали участие М. Н. Капустин, И. Т. Тарасов, С. П. Яковлев, А. Н. Стрекалова, М. К. Кирычко, П. П. Розанов, В. В. Миклявский, Е. О. Скобеева, В. А. Фидлер, А. В. Пряничников, Е. Е. Ваганова, И. Г. Архипов, В. П. Шемякин, граф П. И. Коновицын, В. Н. Семчевский, П. Я. Остелецкий, К. В. Рукавишников, П. Д. Ахметышеви и А. А. Фидлер. Съезд обратился к правительству с предложением определить особый правовой статус исправительных учреждений для малолетних, правовое положение подростков и персонала, источники содержания этих учреждений, роль родителей в деле воспитания малолетних. Было создано Постоянное бюро съездов, которое организовывало съезды, определяло программы, разрабатывало вопросы для обсуждения. Кроме того, бюро вело постоянную переписку со всеми заведениями по различным вопросам, касающимся исправительного воспитания [7. С. 107].

Деятельность съездов не осталась без внимания со стороны государственных органов. В результате Положение о воспитательно-исправительных учреждениях 1909 г. законодательно закрепило проведение съездов представителей учреждений и существование Постоянного бюро при них [13]. Целью проведения съездов было «выяснение возникающих на практике затруднений, разработка касающихся исправительного воспитания вопросов и объединение деятельности воспитательно-исправительных заведений» [Там же. С. 35].

Съезды представителей воспитательно-исправительных заведений явились объединяющим звеном между всеми исправительными учреждениями в России, своего рода центром, куда сходились все интересующиеся делом исправительного воспитания, чтобы обмениваться мыслями, искать наилучшие способы работы.

Рукавишниковский приют

Оказывая финансовую помощь воспитательно-исправительным учреждениям, меценаты нередко сами руководили педагогической деятельностью в них. В качестве примера можно остановиться на деятельности московского Рукавишниковского приюта. Главной целью этого учреждения было провозглашено «нравственное исправление, духовное перерождение тех несчастных преступных детей, которые помещены в приют по судебным приговорам» [10. С. 3].

Приют был открыт 21 мая 1864 г. по инициативе председателя Общества распространения полезных книг А. Н. Стрекаловой. Первым директором его был профессор Московского университета Михаил Николаевич Капустин. Рукавишниковским приют назван в честь Николая Васильевича Рукавишникова, бывшего его директором с конца 1869-го по 1875 г. После его смерти в 1878 г. учреждение перешло под патронат московских городских властей [Там же. С. 4].

Подробный отчет о результатах деятельности Рукавишниковского приюта за 1912–1913 гг. был опубликован в журнале «Особые суды для малолетних». Составителем его является один из сотрудников приюта, полное имя которого, к сожалению, не указано [1].

Во главе приюта стоял попечитель, избираемый Думой, кроме того, имелся пожизненный почетный попечитель, которого назначала семья Рукавишниковых [10. С. 10].

Воспитанники приюта делились на четыре отделения, в каждое из которых подбирался свой воспитатель и вспомогательный персонал.

Дети педагогически запущенные, совершившие преступление не потому, чтобы они развращены, а потому, что их заставляли совершать преступления. Изъяв их из негативной среды, определив в надлежащую обстановку, оказывая правильное воспитательное воздействие, можно было надеяться превратить их в простых детей, которых можно встретить в любой школе.

Дети, главный недостаток которых — в непризнании закона и каких-либо для себя обязанностей. Они до крайности вспыльчивы, легко увлекаются, их можно подбить и на очень дурное и на хорошее; они смелы, откровенны, легко поддаются чужому влиянию.

Маловоспитанные и глубоко испорченные дети, пронырливые, трусливые, стремящиеся угодить начальнику и обмануть его, взвалить свой дурной поступок на других.

Дети, требующие индивидуального воспитания: глубоко испорченные малолетние, нахальные, психически больные или наследственные преступники и т. п.

Таким образом, воспитанники группировались не по возрасту, а в соответствии со степенью испорченности, так как, по мнению Константина Васильевича Рукавишникова, некоторые 11-летние подростки, поступая в приют, были настолько развращены, что от них приходилось оберегать уже начавшего исправляться 16-летнего [10. С. 8].

Каждым отделением заведовал воспитатель. В его обязанности входило: воспитание питомцев, преподавание в школе, дежурство по приюту, проезд родственников воспитанников, организация экскурсий, праздников, спектаклей. Связи с воспитанниками он не терял и после их выхода из приюта: подыскивал работу, посещал на месте службы, помогал в трудные моменты. Кроме того, воспитатель по возможности оказывал помощь и родственникам воспитанников.

Обучение детей организовывалось по программам четырехгодичных городских школ, при возможности расширялись отдельные предметы. На занятиях по основным предметам использовались не только учебники, но и научно-популярная литература, наглядные средства обучения. Классные занятия по природоведению дополнялись практическими работами. В целях обучения ремеслу были организованы классы рисования и черчения, изучался специальный курс технологии. Оценки в баллах не выставлялись, домашние

задания не задавались. Вечерние занятия велись только с отстающими. В 1912 г. в приюте была открыта читальня, которая пользовалась большой популярностью среди воспитанников.

Целостный процесс обучения в приюте организовать было очень сложно, так как воспитанники попадали сюда в разные периоды в течение учебного года и могли покинуть приют, не получив более или менее законченного образования. К. В. Рукавишников писал: «После многих опытов мы остановились на следующем: мы делим классы на полугодичные курсы, всех поступающих вновь мы помещаем до ближайшего экзамена (экзамены у нас бывают в мае, августе и январе) в особую сборную группу, а лишь после экзамена зачисляем в соответственный класс школы; затем мы исключаем из школы после каждого экзамена всех тех воспитанников, срок выхода которых приходится ранее следующего экзамена, эти воспитанники время школьных занятий будут проводить в работе в мастерских. Таким путем мы, хотя и сократили для каждого воспитанника время его школьного обучения, но в общем мы достигли лучших результатов в обучении» [10. С. 14].

В 1913 г. для педагогически запущенных воспитанников был сформирован особый вспомогательный (коррекционный) класс. Педагогический персонал приюта первое время был обеспокоен: не станут ли ученики вспомогательного класса «отверженными», но опасения оказались напрасными. Все воспитанники этого отделения учились успешно. Для развития речи и расширения запаса знаний во вспомогательном классе использовалась «разговорная работа», заключающаяся в рассказе ученика на заданную тему с последующим обсуждением услышанного всеми воспитанниками. Эта работа служила и средством нравственного воспитания.

Трудовое обучение и воспитание проходило в несколько этапов. Младшие школьники, а также вновь поступившие обучались выжиганию, резьбе по дереву, а также учились чинить собственную одежду. Следующим этапом обучения практическим навыкам было плетение корзин, а затем дети распределялись по мастерским: в приюте действовали столярная, механическая, сапожная, переплетная, токарная и малярная мастерские. При распределении принимались во внимание физическое развитие воспитанника, знание им какого-либо ремесла, мнение врача, наполняемость мастерских и личное желание [Там же. С. 12].

В основе обучения ремеслу лежали не учебные программы, а реальные заказы. У воспитанников, поступавших в приют, не было ремесленных навыков, в процессе обучения по определенной программе им не удавалось с первого раза успешно выполнить то или иное задание. В итоге много материала переводилось впустую, и воспитаннику приходилось видеть, как «все, над чем он трудился, бросают в печь. Это уничтожает в нем интерес к работе, сознание пользы и приучает его к мысли о возможности порчи хозяйского материала» [Там же. С. 13]. Чтобы этого не происходило, обучение строилось лишь на заказах, поступавших от администрации приюта или горожан,

и программных заказах-заданиях: изготовленные по ним предметы отправлялись для реализации в специальный магазин. Подростки видели значимость своего труда, это облегчало коррекционную работу с ними. Успешность занятий в мастерских постоянно контролировалась. На ежемесячных педагогических советах мастера и заведующие мастерскими представляли подробные отчеты.

Коммерческого значения мастерские не имели. В одном из отчетов по этому поводу говорилось: «Лишь только мальчик исправится и выучится работать, что почти всегда согласуется одно с другим, как он устраивается на место и заменяется новичком, который, прежде чем что-нибудь заработать, перепортит немало материала» [1].

При Рукавишниковском приюте была образована Фидлеровская земледельческая колония. В ней действовали такие мастерские: полевое хозяйство, огородничество, лесное хозяйство, скотоводство, садоводство и хлебопекарня. Все хозяйство колонии обслуживалось исключительно воспитанниками.

Для приучения воспитанников к порядку проступки каждого ученика, даже незначительные, записывались в особую книгу, которая впоследствии помогала составить личностный портрет ученика [10. С. 15].

Меры наказания в приюте мало отличались от применяемых в общих учебных заведениях. К ним можно отнести: стояние у стены, лишение отпуска, экскурсии, изоляцию в карцере сроком не более трех дней. Карцер представлял собой вполне светлую теплую комнату. Ограничение в еде использовалось в редких случаях: изолированный получал одно блюдо вместо положенных двух. Причем использование карцера постоянно сокращалось. Так, в 1908 г. на каждого наказанного карцером приходилось 15 дней в год, а в 1913 г. — 3,8 дня. Телесные наказания не применялись. Более легкие наказания налагались воспитателем, серьезные — директором.

Способы поощрения были очень разнообразны: посещение театров и участие в постановке собственных спектаклей, различные игры, загородные экскурсии, прогулки, отпуска и досрочное освобождение. Наиболее ценными в воспитательном отношении, по отзывам сотрудников приюта, оказались мероприятия, дающие детям возможность войти в соприкосновение с миром за пределами приюта в благоприятных условиях. Например, встречается информация об игре в футбол с детьми дачников во время экскурсии, об участии воспитанников в детских праздниках, устраиваемых благотворительными обществами. Широко использовались отпуска. Разрешение на отпуск зависело и от поведения самих детей, и от состояния их семьи. Наблюдение за поведением воспитанника во время отпуска и в семейном кругу лежало на воспитателе. В целом поведение детей за пределами приюта было весьма удовлетворительным. Так, в 3108 отпусках, предоставленных в 1913 г., было отмечено лишь 17 случаев проступков.

Досрочное освобождение тоже являлось вполне распространенной мерой поощрения, что свидетельствует об эффективности воспитательной работы в приюте. В том же 1913 г. 57 человек были освобождены досрочно, и только четверо из них, совершив правонарушения, были возвращены в приют. Все воспитанники, выходя из приюта, получали 25-рублевое пособие, новую одежду и обувь, им подыскивали работу и жилье. Каждый освободившийся из приюта мог в случае нужды воспользоваться поддержкой Общества попечения над вышедшими воспитанниками. Судьбу каждого освободившегося отслеживала служба патроната. Она строилась следующим образом. Если выпускника не брали к себе благонадежные родители, ему подыскивали место. При этом приют брал на себя денежную ответственность перед хозяевами за порчу имущества или кражу. В этом случае место было найти нетрудно, так как хозяева «получали выдержанного, дисциплинированного, непьющего работника» [10. С. 19]. Случаев уплаты подобного возмещения с момента возникновения этой системы в 1888 г. до 1891 г. не было. Кроме того, в течение трех лет воспитанники в определенные сроки являлись или писали в приют, да и впоследствии поддерживали с ним тесную связь, уже не обязательную — для контроля, а дружескую. Живущие в Москве в праздники посещали приют, работающие вне Москвы посылали письма и при приезде заходили. Распространенность рецидивов правонарушений, по официальным данным Министерства юстиции, среди воспитанников Рукавишниковского приюта составляла 6–9 %, в то время как после отбывания наказания в тюрьме — 96 % [Там же. С. 20].

Об успешности работы приюта свидетельствует и тот факт, что некоторые ученики переходили в общие учебные заведения. Так, в 1913 г. один ученик перешел в торговую школу, а другой — в студенческую школу садоводства.

Таким образом, приведенные данные говорят о высоких результатах работы Рукавишниковского приюта, которые были достигнуты умением и добросовестностью педагогического персонала, качественной организацией воспитательной среды, гуманным и личностно ориентированным методом педагогического воздействия. В основе работы с несовершеннолетними лежал индивидуальный подход к каждому ребенку. А. Д. Коротнев в своей работе «Малолетние несовершеннолетние преступники», написанной в 1903 г., в качестве недостатка деятельности исправительных заведений в России отмечает отсутствие патроната над выпускниками. В Рукавишниковском приюте к 1910–1913 гг. он был преодолен практически полностью. Этот вывод подтверждает и П. И. Люблинский [8].

В целом можно сделать вывод, что в деле воспитания малолетних правонарушителей на рубеже XIX–XX вв. именно частными лицами во многом решались те задачи, которые государство в то время решить не могло. Общественность не только финансировала работу по созданию специальных учреждений для несовершеннолетних,

но и обеспечивала педагогическую поддержку, искала эффективные методы коррекционной работы, обобщала существующий опыт.

Литература

1. Б. О. Московский городской Рукавишниковский приют // Особые суды для малолетних. 1914. № 2. С. 16–19.
2. ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Ч. 1. Делопроизводство 1. Д. 685. Л. 1, 21–99.
3. ГАРФ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 179. Л. 87.
4. ГАРФ. Ф. 123. Оп. 1. Д. 504. Л. 2–4.
5. Гогель С. К. Объединение и взаимодействие частной и общественной благотворительности. СПб., 1908.
6. Духовской М. В. Распределение исправительных заведений для несовершеннолетних по территории России // Журнал министерства юстиции. 1900. № 7.
7. Коротнев А. Д. Малолетние несовершеннолетние преступники. СПб., 1903.
8. Люблинский П. И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте (социально-правовые очерки). М., 1923.
9. Мнение Государственного Совета об устройстве исправительных приютов для малолетних преступников // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 41. Отд. 2-е. СПб., 1868.
10. Московский городской Рукавишниковский приют // Сообщение, сделанное 31 января 1891 г. Почетным попечителем приюта К. В. Рукавишниковым, в здании императорского Московского университета господам студентам 8-го семестра юридического факультета. М., 1891.
11. Наказания заменяющие: исправительные приюты / Таганцев Н. С. Уголовное право (общая часть). Ч. 2. М., 1902.
12. Отчет Главного тюремного управления за 1883 год. СПб., 1884.
13. Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних // ПСЗ РИ. Собрание III. Т. 29. Отд. 1-е. 1912. Ст. 35–41.
14. Приложение к закону «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений об их наказуемости» // Собрание узаконений и распоряжений прав. 1897. № 71.
15. Сборник циркуляров и распоряжений, изданных по Главному тюремному управлению (1879–1910 гг.). СПб., 1911.
16. Устав Екатеринославского общества исправительных земледельческих колоний и ремесленных приютов. Екатеринослав, 1892. С. 3–4.